НАДГРОБНОЕ
Похвальное
СЛОВО
ЛУДОВИКУ XV.
КОРОЛЮ ФРАНЦУЗСКОМУ

Говоренное въ Академїи 25 Маїя 1774 года.

Г. ВОЛТЕРОМЪ

По случаю кончины сего Монарха

А съ Французскаго переведенное на Россїйскїй языкъ.

Дмитрїемъ Ланскимъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
1782 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
Дѣйствительному Камергеру
Флигель-Адъютанту
отъ Армїи
ГЕНЕРАЛЪ-МАIОРУ
и Польскихъ Орденовъ Бѣлаго Орла
и Святаго Станислава
КАВАЛЕРУ
Александру Дмитрїевичу
ЛАНСКОМУ
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Хотя малое, но довольно из-вѣстное всему свѣту поименамъ хвалимаго и хвалящаго лица славное преложивъ на Россїйскїй языкъ слово сїе осмѣливаюсь по-святить достославному Ваше-шего Превосходительства име-ни, да будетъ оно искреннею жертвою и свидѣтельствомъ со-вершеннѣйшей преданности и глубочайшаго высокопочитанїя каковыя имѣетъ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Всепокорнѣйшїй слуга

Дмитрїй Ланской.

НАДГРОБНОЕ

Похвальное Слово

Лудовику XV. Королю Французскому. сочиненное Г. Волтеромъ.

ГОСУДАРИ МОИ!

Я вступилъ въ средину сего пышнаго и блистательнаго обряда не для того, чтобъ мнѣ тщету ученой рѣчи смѣшать съ суетами живущихъ коимъ не иное что представляется, какъ мечта, подъ видомъ Славы умершаго.

Собраніе наше не изъ тѣхъ пышныхъ обрядовъ которые изобрѣтенны для прельщенія очей и слуха; моя рѣчь должна быть столь же проста

 и спра-

и справедлива, каковЪ былЪ нашЪ Государь котораго мы оплакиваемЪ кончину.

При началѣ и упадкѣ велерѣчїя во времена Лудовика XIV; рѣчи на погребенїе БосюетомЪ и ФлешьеромЪ говоренныя, плѣняли и удивляли всю Францїю, онѣ были первымЪ украшенїемЪ пышныхЪ погребенїя обрядовЪ; Онѣ всѣхЪ приводили вЪ восхищенїе, и наконецЪ содѣлавшись всѣмЪ общи, первой цѣны своей лишились.

Нынѣ, когда изслѣдыванїе всякаго рода истинны содѣлалось первою страстїю людей, пышностїю преисполненныя рѣчи, которыя до селѣ столь были важны, лишились своего блеску, вЪ сихЪ наипаче тайныхЪ собранїяхЪ кЪ щастїю прїобучены мы держатся способа изобрѣтеннаго мудрымЪ ФонтенеломЪ а МаркизомЪ де КондорсетомЪ усовершенствованнаго, способа состоящаго вЪ истинномЪ повѣствованїи жизни скончавшагося а не

вЪ

вЪ принесенїи ему похвалы, вЪ величанїи его дѣлЪ, вЪ точномЪ изъясненїи его заслугЪ; вЪ искреннемЪ откровенїи слїянныхЪ сЪ человѣчествомЪ слабостей и наконецЪ вЪ показанїи на мѣсто суетнаго краснорѣчїя однихЪ полезнѣйшихЪ истиннЪ. Таковый родЪ рѣчей никому не прискучитЪ, потому, что оный сходствуетЪ совершенно сЪ исторїею.

Славнѣйшїе изЪ древнихЪ народовЪ имѣли обыкновенїе судить дѣла умершихЪ Царей своихЪ по всей строгой справедливости, и тѣмЪ самымЪ поучали свѣтЪ истиннѣ; таковыя рѣчи могутЪ быть превосходнѣе и самой исторїи потому, что вЪ нихЪ не можетЪ уже заключатся ложныхЪ и тайныхЪ повѣтствованїй каковыя злоба, а иногда одно рвенїе кЪ писанїю на царствующаго Государя слагаетЪ, а народное невѣжество прїемлетЪ, и которыя, нѣсколько лѣтЪ спустя, историки включаютЪ вЪ свои книги, и такимЪ образомЪ, обма-

манувшись сами, обманываютъ и своихъ потомковъ.

Ежели бы можно было безопасно держатся справедливости; такого рода рѣчи были бы еще гораздо полезнѣе, ибо не заключая въ себѣ ни лести ни осужденія, были бы оныя поученіемъ тѣмъ надъ коими должно когда нибудь говорить таковыя же рѣчи; и конечно бы то, что просвѣщенный и справедливый человѣкъ проговорилъ надъ скончавшимся Королемъ, въ присудствіи его наслѣдника и народа, содѣлало стократно сильнѣйшее и большее впечатлѣніе нежели всѣ похвальныя рѣчи, которыя нынѣ не зачто иное, какъ за часть преходящихъ обрядовъ почитаются.

Намъ нѣчего говорить о первомъ возрастѣ Лудовика XV. по елику какъ младость такъ и престарѣлость всегда почти сходны между собою, первая подаетъ всегда нѣкоторыя надежды, а другая во вся оныя похищаетъ. Свойства былъ онъ кроткаго и снисходительнаго и во всю его жизнь

не было за нимъ примѣчено великаго гнѣва. Во младости своей первѣе всего приложился онъ къ географіи, которая наука Королю есть, какъ въ мирное такъ и въ военное время полезнѣйшая, потомъ изъ даванныхъ Г. де Лилемъ въ сей наукѣ наставленій; и повеликомъ въ ней упражненій, сочинилъ онъ малую *географію по теченію рѣкъ* и приказалъ выпечатать оной только пятьдесятъ экземпляровъ *въ Луврѣ*. Сіе ученіе побудило его приказать собрать топографическіе всей *Франціи* карты: и сколь трудъ сей былъ ни великъ, не смотря на то совершенъ былъ со всею точностію и исправностію, сія великая *къ географіи* охота, естественно привела его къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ въ астрономіи, и натуральной исторіи знаній. Судъ его во всѣхъ дѣлахъ былъ праведенъ, и кротость его духа, о которой мы уже говорили, была причиною тому, что онъ предпочиталъ другихъ мнѣнія своимъ.

Внимая поснисхожденію своему, совѣтамъ другихъ, вступилъ онъ въ 1741 году въ войну безъ согласія Кардинала де Флери, который весьма тому противился: ибо вельможи, которые въ большомъ были у него довѣріи нежели первый его совѣтникъ, побудили обѣихъ къ сему предпріятію, которое во Фландріи щасливо, а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ нещасливо производилось. И такъ Лудовикъ XV. завелъ войну не для сисканія себѣ славы, и далъ два сраженія не будучи воспаленъ симъ жаромъ, который происходитъ отъ вспальчивости, и который человѣческая слабость называетъ великому воину приличнымъ. Онъ всегда былъ спокойнаго духа даже и въ самое то время, когда въ 1744 году предводительствуя своею арміею шелъ освободить *Элзасъ* окруженный непріятелемъ, тогда одержимъ въ *Мецѣ* жестокою болѣзнію получилъ онъ отъ народа своего сіе столь лестное про-

званіе

званіе *возлюбленнаго*. Не при пышныхъ какихъ обрядахъ, не привеликомъ какомъ либо собраніи дано было ему оное; такъ какъ прозваніе *Великаго* Лудовику XIV въ ратушѣ 1680 года; но восторгъ Парижскихъ жителей вымышлялъ такое титло, которое бы усердію его къ Королю соотвѣтствовало. Едва нѣкто изъ черни вскричалъ *Лудовикъ возлюбленный*, какъ вдругъ пять сотъ тысячь голосовъ сіе повторили, всѣ мѣсяцословы и вѣдомости прославляли его имя; усердіемъ народнымъ дано ему оное, а употребленіемъ сохранено даже и чрезъ то мятежное время, когда самые сіи парижцы, которыхъ не постоянству вся чудилась Европа, измѣняли какъ казалось нѣсколько дней засвидѣтельствованному уже единожды своему усердію.

Онъ конечно заслужилъ сію любовь когда на мѣсто всего плода своихъ во Фландріи завоеваній, сталъ просить у Великой Маріи Терезіи мира можно сказать, что онъ предчувство-

ствовалъ великую услугу, которою Франція нѣкогда будетъ Государынѣ сей обязана, онъ не могъ достойно ей воздать за сей не оцѣненный ея даръ которымъ мы поднесь еще наслаждаемся.

Если самая справедливая война всегда народамъ пагубна, то веденная законною толикихъ Кесарей наслѣдницею, не инакою Лудовикомъ XV, была признана. Онъ провидѣлъ, что война сія не основывалась на очевидной справедливости; коея правила въ глубинѣ сердца его начертаны были, одна уже толь рѣдкая справедливость можетъ предъ умными очами оправдать сію войну.

Принимание чужихъ мнѣній заставило его вдругоредь предпринять 1756 году войну которая была гораздо нещасливѣе первой, Франція приведеніи оной почувствовала какъ въ народѣ, такъ и въ деньгахъ великую утрату, лишилась Канады, торговли въ Индіи и довѣрія всей Европы; и для того единственно, что

что бы замѣнить нѣкоторую часть сей великой потери, долженъ былъ столь рачительный и трудолюбивый народъ трудится цѣлые одинатцать лѣтъ.

Всѣ сїи в•ликїя нещастїя непривели въ уныніе его духа; люди управляющїе себѣ подобными всегда стараются среди самаго смятенія притворятся не поколебимыми; Лудовикъ XV, ничево не имѣлъ принужденнаго и не искалъ спокойствїя по елику оное всегда въ его сердцѣ обитало, онъ бы обладалъ драгоцѣннѣйшимъ даромъ природы, ежели бы оная соединена была съ проворствомъ

Его духъ и притой ужасной опасности не измѣнился, когда нѣкоторый изъ черни безумецъ отважился поднять руку наего священную особу, и послѣ перваго страха опасныхъ слѣдствїй, сего злодѣянія, лице его не измѣнило спокойствїя его духа хотя онъ былъ пораненъ.

Великодушїе и кротость, сїи двѣ достохвальныя добродѣтели кото-

торыя онъ оказывалъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, ко всѣмъ ближнимъ себѣ, въ приказахъ даванныхъ имъ къ совершенію удивительныхъ трудовъ и сочиненій, отъ которыхъ бы другой по справедливости хотѣлъ приписывать себѣ славу, составляли его свойство, которое было совершенно противно свойству Лудовика XIV предшественника его.

Посей самой причинѣ неоднократно вопрошаемо было, лучшели желать, что бы государь былъ славолюбивъ или чтобъ онъ взиралъ на оную безпристрастнымъ окомъ. Но можетъ быть сіе столь похвальное безпристрастіе лишаетъ иногда душу рвенія къ высокимъ подвигамъ сіе самое и препятствовало можетъ быть столь долгое время показать себя Лудовику XV, который оказывалъ раненымъ офицерамъ за ихъ службу отмѣнное благоволеніе которое есть первымъ благополучіемъ и наградою смертному человѣческому роду; но все сіе происходило не отъ чего инаго,

какЪ отЪ того, что не имѣлЪ великой склонности кЪ войнѣ, и причислить ему вЪ порокЪ не льзя, развѣ сїе происходило отЪ его суровости.

Таковой суровости не можно ему приписать ибо всѣ придворные признаютЪ, что невидали столь кроткаго господина, такЪ же и всѣ, которые по его приказу имѣли какое либо дѣло, величаются его отмѣннымЪ снисхожденїемЪ; не можно быть всякїй часЪ КоролемЪ, сїе весьма несносно; надобно быть человѣкомЪ, надобно вникать во всѣ должности гражданской жизни, и ЛудовикЪ XV вникалЪ во все безЪ малѣйшаго безспокойства и принужденїя.

Правда, что когда Государь со своими придворными вступаетЪ вЪ собесѣдованїя, то недолженЪ ни когда мстить за малые досады, которыя ему иный причинить можетЪ; иные жаловались, что ЛудовикЪ XV. причислялЪ иногда учиненную частному вЪ обществѣ чину обиду оскорбленїемЪ величества своего. Король не долженЪ наказывать, того чему

му

му законы неположили казни, вЪ противномЪ случаѣ, надлежало бы всѣхЪ королей бѣгать такЪ какЪ существЪ превосходнѣйшихЪ и пагубныхЪ человѣческому роду, тогда бы опредѣленные королями почитали себя осужденными кЪ неволѣ; и никогда не наслаждались бы малыми утѣхами, которыя можно вкушать вЪ сей преходящей жизни.

Всѣ удивлялись, что онЪ ведучи столь постоянную жизнь, часто смѣнялЪ министровЪ, всѣ на сїе роптали, всѣ предвидѣли, что дѣла могутЪ чрезЪ то остановится, что рѣдко сыщется такой министерЪ, который бы слѣдовалЪ предпрїятїямЪ своего предшественника; сколь опасно перемѣнять врачей, и сколь несносно перемѣнять друзей; никто непонималЪ какЪ могла чистѣйшая его душа наслаждающаяся непремѣннымЪ покоемЪ, терпѣть толикїя перемѣны, вотЪ опасныя слѣдствїя достохвальнаго правила, его кЪ себѣ недовѣрчивости и вниманїя со-

совѣтовъ отъ таковыхъ людей, которые менѣе его имѣли прозорливости и опыта, наконецъ сего самаго равнодушія и безпристрастія, которымъ толь великія превращенія ни какихъ нестоили напряженій, все произтекало отъ сей первой притчины; ему равно было заказать сорудить или памятникъ подобный Августову и Троянову, или приказать построить простый покой. Вообраненіе его не представляло ему вдругъ великости вещи: но разсужденіе его постигало оную уже при самомъ представленіи.

Такимъ образомъ послѣдовало и столь достохвальное учрежденіе военнаго училища, учрежденіе столь полезное для дворянства, изобрѣтенное простымъ мѣщаниномъ, котораго хвала прейдетъ къ дальнымъ потомкамъ; всѣчастныя и всенародныя Лудовика XV дѣянія основывались на семъ его правилѣ; не имѣя ни отмѣнной горячности, ни страсти, былъ онъ истинный супругъ, чадолюбивый отецъ

порядочный хозяинъ, и притомъ столь искреній другъ каковымъ только король быть можетъ.

Что онъ небывалъ никому гонителемъ должны мы благодарить похвальной его кротости; недля того изслѣдывалъ онъ мнѣнія людей, чтобъ послѣ ихъ за оныя осуждать, не для того извѣдывалъ скрытныя ихъ пороки, чтобъ оныя обьявлять всесвѣту, или угождая свирѣпству своему, наказывать людей за оныя. Томимый долгое время школьными распрями, которыя еще до его возмущали королевство, раздѣленіемъ на двѣ стороны гражданства, правителей и духовенства, всегда старался онъ утвердить между спорниками тотъ же миръ и согласіе, которые въ сердцѣ его обитали.

Онъ зналъ, что въ такомъ государствѣ, гдѣ правила перемѣнились и древнія пребыли злоупотребленіи; потребно иногда смотрѣть на сіи закоренѣлыня злоупотребленія окомъ похлѣбства, что есть такія болѣзны, которыхъ излѣчить

не

не можно, и что все это облегченїе которое токмо искуствомъ принесено быть можетъ, состоитъ единственно въ томъ, чтобъ возобновить ихъ жизнь подверженную изнеможенїямъ.

Равнодушїе и терпѣливость были два первѣйшїя правила его поведенїя; обыкновенное спокойствїе духу своего сохрахилъ онъ даже до конца ужасной той болѣзни которая похитила его отъ Францїи, такъ, что не можно было занимъ примѣтить ни робости, ни страха, ни унынїя, ни слезъ, ни отчаянїя; и наконецъ очистивъ душу свою покаянїемъ прячащенїемъ и соборованїемъ масломъ, съ обыкновенымъ спокойствїемъ духа преставился какъ будто отошелъ ко сну, единственно утѣшаясь тѣмъ, что оставляетъ дѣтей, на которыхъ Францїя полагала всю свою надежду и упованїе.

Да памятуютъ всѣ сыны отечества его великодушїе. Францїя пребудетъ ему обязана на вѣки заистребленїе продажи чиновъ, заосвобож

денїе многихЪ нещасливыхЪ гражданЪ провинцїй нашихЪ, отЪ необходимости ходить разорятся вЪ столичный городЪ гдѣ почти никогда незнаютЪ нашихЪ обыкновенїй; время придетЪ, что всѣ сїи столь много различныя обыкновенїя содѣлаются одинаковыми, и что всѣ единаго отечества граждане будутЪ управляемы однимЪ закономЪ; закоренѣлыя злоупотребленїя исправляются временемЪ. Каждый король, отЪ котораго произшелЪ ЛудовикЪ XV, здѣлалЪ добро всей францїй. Генрика IV благословимЪ зато, что онЪ былЪ тому первый. ЛудовикЪ XIII. помощїю своего великаго Министра часто великїя творилЪ францїи благодѣянїя. ЛудовикЪ XIV самЪ собою дѣлалЪ великїе дѣла, и все то что ЛудовикЪ XV и узаконилЪ и уничтожилЪ, заслуживаетЪ нашей благодарности, мы можемЪ отЪ его наслѣдника надѣятся совершеннаго благополучїя, естли только оное состоитЪ во власти смертныхЪ.

Когда сей витїя, когда сей гражданинЪ, произнесЪ сїи слова тогда

при-

пришло извѣстїе, что три дочери скончавшагося короля занемогли оспою и тогда онъ продолжалъ такъ.

ГОСУДАРИ МОИ!

Въ самое то время, когда удрученные печалїю оплакиваемъ мы кончину любезнаго Короля нашего, приходитъ извѣстїе, въ страхъ и отчаянїе насъ повергающее, злощастная францїя! ты зришъ угрожающее тебѣ бѣдствїе, и въ отчаянїи приложи къ горькимъ слезамъ своимъ теплыя молитвы; но что помогутъ молитвы слабыхъ смертныхъ? мы не задолго молились парижской заступницѣ, о продолженїи дней послѣдняго наслѣдника, его супруги и его матери; мы молились о покойномъ королѣ; но всемогущїй богъ не перемѣнилъ своихъ судебъ, не изреченный его промыслъ да поможетъ искуству благополучно преодолѣть бѣдствїя, которыми естество безпрестанно погубляетъ родъ человѣческїй! да сохранитъ сїе привитїе оспы нашего

новаго короля, его наслѣдниковъ и наслѣдницъ невредимыхъ, да ободряпся они примѣрами толикихъ государей спасти живошъ свой учинивъ безвредный опытъ привитїя оспы на здравомъ тѣлѣ; но теперь окончимъ похвальное слово покойному королю, прїимемъ мѣры къ сохраненїю жизни наслѣдника его; оспопрививанїе казалось весьма безрасудно и отважно прежде мужественныхъ опытовъ которыя дѣлали герцоги Орлеанскїй и пармскїй, Король Шведскїй, Императрица Королева, и Россїйская Императрица, теперь то поистиннѣ было бы безразсудно оную пренебречь; нещастїе наше то, что истинны и откровенїя всякаго рода долгое время нами бываютъ опровергаемы; но когда столь драгоцѣное открытїе возникло тогда всѣ сомнѣнїя должны изчезнуть.

КОНЕЦЪ.

